

САВЕЛЬЕВА Л. В.
(Петрозаводск)

АЗБУЧНОЕ СЛОВО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА В ЯЗЫКОВОМ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

У чланку се реализује доследан синтагматски прилаз словенском азбучном именику, а наиме — називима слова старије глаголице, која су имала бројно значење. Ослањајући се на податке историјских извора, аутор реконструира почетни повезани текст, који је припадао Првоучитељу Словена. На темељу сакралног модела света у овоме полазном тексту се развијају основи хришћанске гносеологије. Уметничка целина и песничка структура текста воде до закључка о његовој самосталности према Азбучној молитви, а такође о његовој природној повезаности са традицијама византијске хомилетике и химнографије.

Начинају с доклада на Међународној конференцији «Евангелски текст и руска литература» (Петрозаводск, јуни 1993 г.), нами у реду радова 1993–1994 г. г. у разним ракурсима обосновао се последоватељни синтагматички приступ к првонајачном именуку славјанској азбуци¹. У квалитету аксиоми ми опирали смо се на већ доказану палеославистику првичност глаголице и признање у лице Кирила (Константина Философа) создатеља не само глаголическе графика, него и буквених наименовања, које у последствију били унаследовани кириллицом².

Преимущества последоватељног синтагматичког приступа, у разлику од већ познатих раније, у томе, да ни једно из буквених називања старије глаголице не изымало се и не видоизмјенјало, а семантизирило се у тој словоформи, у којој зафиксирано древнојма изворима и традицијом.

¹ Савельева Л. В. Сакрални смисл славјанској азбуци (Напутствено слово Првоучитеља славјан) // Север. 1993, № 3, с. 152–158; Она же, Новији коментарии к заметке А. С. Пушкина о славјанској азбуци // Пушкинская эпоха и хришћанска култура. Вып. IV. Сиб., 1994, с. 104–108; Она же, Славјанска азбука: Дешифровка и интерпретација првог славјанског поетичког текста // Евангелски текст у руској литератури XVIII–XX векова. Петрозаводск. 1994, с. 12–31; Она же, Истоци и загадки нашеј азбуки // Русскаја реч. 1994, № 5, с. 64–74.

² «Мисли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов» Н. Н. Дурново (Byzantinoslavica, годп. I, 1929) били уточнены впоследствии в работах С. М. Кульбакина, Р. Нахтигала, А. Вайана, Э. Георгиева и обобщены в статьях Т. А. Ивановой, о которых ниже.

При этом вопреки распространенному мнению исследователей о разрушенном акrostихе Азбучной молитвы, объясняющем явное смысловое сопряжение отдельных словоформ, был прочитан замечательный по своей сжатой выразительности связный поэтический текст, составленный великим филологом и миссионером — текст, который был определен по жанру как напутственное слово Первоучителя.

Наше повторное обращение к ранее сказанному в большой степени вызвано возникшей дискуссией за «Круглым столом», организованным в марте 1995 г. кафедрой славянской филологии Санкт-Петербургского университета и посвященным славянской азбуке. Показалось не лишним еще раз вернуться к своей интерпретации, чтобы более четко, а в некоторых случаях и более развернуто представить ее аргументы.

Как уже отмечалось ранее³, в качестве основных источников для реконструкции старшей глаголицы вслед за другими исследователями мы использовали два древних перечня славянских букв, относящихся к XI–XII в. в.: *Abecedarium bulgaricum* из парижской латинской рукописи, изданный И. В. Ягичем⁴ и *Мюнхенский абецедарий* — латинскую рукопись, хранящуюся в Мюнхене⁵. Два других источника, учитываемые нами, — это широко известная статья Черноризца Храбра «О письменах» (древнейший болгарский список 1348 г. и список Московский XV в., где дана кириллическая транслитерация старшей глаголицы)⁶, а также акrostихи Азбучной молитвы XI в. Константина Преславского, выдающегося болгарского писателя, ученика Кирилла и Мефодия. Последний источник применительно к нашей теме привлекался не в полном объеме своих списков, а главное — еще да более точной датировки времени его создания и до опровержения текстологами авторства Константина-Кирилла, Первоучителя славян⁷.

Следует сразу оговорить, что показания этих памятников в отношении общего количества букв азбуки, их порядка, состава ранней глаголицы и буквенных наименований не во всем согласуются и в некоторых моментах противоречат друг другу, так что каждому исследователю приходится отбирать из этих источников факты, заслуживающие наибольшего доверия, особенно с учетом других, косвенных свидетельств.

Как известно, глаголица складывалась не сразу, а в результате довольно длительного ее распространения на южнославянских землях. Объектом реконструкции смыслового целого должен был стать именник старшей глаголицы доморавского периода, когда в составе азбуки еще не могло быть

³ Савельева Л. В. Сакральный смысл славянской азбуки (Напутственное слово Первоучителя славян). с. 153.

⁴ Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. Спб., 1911, с. 135 и след.

⁵ Александров Иван. Българското писмо и средновековият изток. София, 1986, с. 202.

⁶ Куев К. М. Черноризец Храбър. София, 1967, с. 187–194.

⁷ Зыков Э. Г. Судьба Азбучной молитвы в древнерусской письменности // ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 177–191; Куев К. М. Азбучна молитва в славянските литератури. София, 1974, с. 32–33.

буквы *м* — *дєрвь* (*herвь*) для обозначения звука [г?], отсутствующего в языке славян Солуни. Доказательством такого заключения является тот факт, что ни *Abecedarium bulgaricum*, ни Московский список сочинения Храбра не содержат этой графемы. Предположения о том, что кириллическая буква л является у Храбра транслитерацией глаголической графемы *м*, остается всего лишь одной из гипотез⁸.

Для реконструкции текстообразующей функции буквенных имен оказалась не столь существенной такая спорная проблема, как общее количество букв древней глаголицы. Дело в том, что, по данным Мюнхенского абецедария и списков полной редакции Азбучной молитвы, устойчивую последовательность обнаруживают первые 28 букв, имевшие явные омонимы в древнеславянской речевой практике, то есть представляющие собой полнозначные слова-названия или же служебные части речи. Именно этот отрезок азбуки использовался как глаголическая цифирь, причем каждый буквенный знак представлял определенную цифру в натуральном ряду единиц, десятков, сотен до буквы *чрьвь* **включительно**, соответствующей 1000.

О том, что буква *чрьвь* завершала текстовую цепочку словоформ, задуманную Константином Философом, свидетельствует текст Азбучной молитвы Константина Преславского (Болгарского), где последующая буква *ш* начинала стих:

Шествую нынѣ по слѣдоу оучителю,
имени его и дѣлоу послѣдоуя
(I ред. ГИМ Синод. собр. № 262)⁹

Содержание этих строк указывает на исчерпанность той части Азбучной молитвы, которая прямо связана с азбукой Первоучителя.

Все сказанное позволяет заключить, что текстообразующую роль выполняли следующие наименования букв, расположенные в порядке возрастания глаголической цифири: Азь, боуки, вѣдѣ, глаголи, добро, есть, живѣте, сѣло, земля, иже, и, како, людіе, мыслите, нашъ, онѣ, покои, рьци, слово, твьрдо, оукъ, ферть, хѣрь, отъ, пе, ци, чрьвь.

Именно этот буквенный ряд устанавливает в некоторых спорных моментах¹⁰ и признает наш оппонент Т. А. Иванова¹¹, за исключением букв *дєрвь* (о которой речь шла выше) и вариантных названий *оукъ* (о чем пойдет

⁸ Флори Б. Н. Комментарий к сказанию Черноризца Храбра «О письменах» // Сказания о начале славянской письменности: Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы / Под ред. В. Д. Королюк. М., 1981, с. 182.

⁹ Цит. по: Азбучная молитва Константина Болгарского // Записки Русской Академической группы США. Т. XXI. New York, 1988, с. 298.

¹⁰ Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите // Вопросы языкознания, 1969, № 6, с. 53–55.

¹¹ Иванова Т. А. Старославянский язык. М., 1977, с. 20–21.

речь ниже). Т. А. Иванова также четко и недвусмысленно атрибутировала славянский азбучный именник Константину-Кириллу Солунскому¹².

Прочтение буквенного именника как текста нами обосновывается аргументами грамматического, лексического, историко-культурного и структурно-поэтического характера.

I. Среди грамматических доказательств — во-первых, наличие в азбуке не только существительных как обычных предметных наименований, но и других частей речи: глаголов (*вѣдѣ*, *глаголи*, *есть*, *живѣте*, *мыслите*, *рѣци*), местоимений (*нашь*, *онѣ*), наречий (*зѣло*, *како*), прилагательных (*тврѣдо*), союзов (*иже*, *ци*), предлога (*отѣ*) — подобно тому, как это бывает в связном речевом потоке. Во-вторых, отбор глагольных форм не в отвлеченном неопределенном наклонении, а в иных — личных и модальных — формах, притом, в основном, в императиве: *глаголи* (от *глаголати*), *живѣте* (от *жити*), *мыслите* (от *мыслити*), *рѣци* (от *решити*), — что свидетельствует о проповедническом смысле азбуки. Третье грамматическое доказательство — сочетание рядом расположенных слов по законам синтаксиса «словенского» языка IX века: а) согласование в роде и числе: *нашь онѣ покои*, *слово тврѣдо*, аналогично *оукѣ фертѣ*, о которых ниже; б) закономерности употребления числовых форм: *людіе мыслите*, *живѣте... земля* (слово *земля* в собирательном значении, как и другие слова типа *стража*, *стадо*, *народѣ*, в старославянском языке не без влияния греческого чаще имели смысловое согласование с формой мн. числа); в) закономерное употребление личных форм глагола при подлежащем: *добро есть*, *азѣ... вѣдѣ*, где *вѣдѣ* — остаток индоевропейского перфекта с медиальным окончанием I л. ед. ч.¹³, причем древнее медиальное значение (выражение того, что субъект глагола лично заинтересован в действии) стерлось: *азѣ... вѣдѣ* — «я знаю», «я осознаю» или «познаю», ср. то же значение в Супрасльской рукописи: а ты где моудиши *не вѣдѣ* (242, 17).

II. Лексическая сочетаемость многих азбучных имен очевидна, и это послужило основой для предположения Н. С. Трубецкого и Э. Георгиева об акростихе Азбучной молитвы, впоследствии поддержанной Ф. Марешем применительно к другой ее редакции¹⁴. Сочетаемость других буквенных наименований не столь очевидна по двум причинам: при обучении чтению и письму из прагматических соображений условные имена букв обнаруживали тенденцию к сокращению — во-первых, и, во-вторых, некоторые из них при-

¹² Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите, с. 53; Она же, Славянские азбуки // Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка. М., 1984, с. 69.

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1964–1973. Т. 1, с. 283.

¹⁴ Критический анализ их аргументации наиболее подробно дан в нашей статье: Савельева Л. В. Сакральный смысл славянской азбуки (Напутственное слово Первоучителя славян), с. 153–155.

менительно к старославянским текстам представляют собой гапаксы. Такие слова-названия нуждаются в этимологизации, в том числе с учетом более широкого круга памятников древней Славии, в своей совокупности глубже отразивших речевую практику эпохи.

Рассмотрим каждое из этих буквенных имен отдельно.

Съло — наряду с высокочастотным значением «очень», «весьма», «чрезвычайно», «в высшей степени», имело значение «совершенно», «прекрасно», засвидетельствованные церковно-славянским словарем Г. Дьяченко¹⁵. См. словоупотребление *съло* в Псалтыри: чудесна дѣла твоа и доуша мона знаеть та зѣло (Псалом 138, 14): аналогично: отъидеть, зѣло вѣдѣ, симъ оумомъ охждень и срамлень (Григорий Назианзин, сп. XI в., 104 л.). Ср. также значение «в высшей степени» в выражении *до съла*: і не отыми отъ оустъ моіхъ словесе істиньна до съла (Синайск. псал. 188, 43).

Земля — «противоположение небу», «чувственная данность»: небо і землѣ мимо ідетъ а словеса моѣ не мимо іхтъ (Матф. 24, 25. Зограф., Марин., Ассеман. ев.); власть имать с<ы>нъ ч<ловѣ>чьскы на земли отпоуштати грѣхы (Лука, 5, 24, Зограф., Марин., Ассеман. ев... Кроме этого значения, слово *земля* могло употребляться в значении «свет, мир»: и събержтъ ѿ(тъ) коньць земля вса събланы (Матф. 13, 41. Ассеман. ев.); оузрять вси коньци земля спасение еже от бога нашего (Илларион. Слово о законе и благодати, XI в.); *вся земля* — «весь мир», «земля и народ, обитающий на земле»: Воспоите Господа вся земля (Псал. 95, 1); Поите Господа вса земля (Григорий Назианзин, сп. X в., 147 л.).

Иже (и) — для двух глаголических букв **ж** и **ѣ** с одинаковым фонетическим значением [i] *Abecsenarium bulgaricum* дает два названия: *иже* и *ижеи*. Две глаголические буквы соответствуют двум кириллическим обозначениям: И и І, зафиксированным Азбучной молитвой как *иже* и *и*. Ср.:

И Иже ищетъ ев(а)нгельска слова

І просить дары твоа приати (6, с. 187)

Думается, что название *ижеи* образовано сложением рядом расположенных азбучных наименований *иже* и *и*, а потому повтору *иже* в *Abecsenarium bulgaricum* доверять нет смысла. Что касается исходного значения этого буквенного имени, то следует учитывать, что многозначный союз *и* в старославянском языке мог иметь противительный оттенок¹⁶, соответствуя греческим союзам *οὐδέ*, *οὔτε*, *ἢ*, *τότε*; в случае же его соединения с противительной частью естественно предположить исходное противительно-сопоставительное значение производного союза *иже*. Дошедшие до нас старославянские памятники не зафиксировали *иже* как единый союз (обычно

¹⁵ Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1993, с. 208.

¹⁶ Старославянский словарь (по рукописям X–XI ввек) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994, с. 223.

и и же разорваны выделяемым словом и имеют значение союза *a*¹⁷). Что же касается книжного древнерусского языка, то здесь противительное значение союза *иже* засвидетельствовано: Творите иже то княжения ради и власти (Послание митрополита Никифора, XII век). Ср. также школярское присловье, записанное А. С. Пушкиным, где *иже* выступает в роли союза: Иже не ври же, его же не пригоже¹⁸.

Отрицание союзной функции *иже* в старославянском языке противоречит широко зафиксированным древнеславянской письменностью аналогичным производным союзам *даже* (*da + же*) и *аже* (*a + же*).

Оукъ — это буквенное название употреблялось применительно к глаголическому диграфу **ѡ** (в кириллице *ou*), введенному в славянскую азбуку по греческому образцу для обозначения фонемы <u>, присутствующей, например, в слове БОУКЪ. Диграф засвидетельствован Московским списком трактата «О письменах» Храбра. Список этот, как мы уже говорили, «отражает очень древний вариант глаголицы, который с серьезным основанием может быть возведен к IX веку»¹⁹.

Кроме сочинения Храбра, диграф засвидетельствован Мюнхенским алфавитом (на 22 месте). Предположение о том, что данная буква первоначально называлась *иком*, опровергает *Abecedarium bulgaricum*, где наименование *hic*, помещенное между *tvrdo u fert*, соотносится, с глаголической буквой **ѣ**, имевшей фонетическое значение [i]. Таким образом, показания источников, в том числе и акростиха Азбучной молитвы Константина Преславского со словом УПОСТАСЬ, говорят лишь о том, что две буквы в азбучном ряду занимали одно и то же место. Акрофонический принцип буквенного наименования (то есть соответствие его начальной буквы и фонетического значения) выдерживался для славянской фонемы <i> так же, како и для фонемы <i>.

Однако транслитерация в заимствованных словах греческой буквы *υ* (ипсилон) обоими способами: то в виде *икъ* (кириллическое У), то есть с потерей в произношении лабилизации, то в виде *оукъ* (кириллическое ОУ), то есть с потерей в произношении переднерядности, — привели к смешению названий *оукъ* и *икъ*. Факты, которые приводит в связи с этим Т. А. Иванова, интерпретируются нами именно как проявление такого смешения.

При этом нельзя сказать, что наше определение данного звена азбучного именника столь оригинально и противоречит традициям палеославистики. Однозначное определение рассматриваемого буквенного имени как *оукъ* дано, например, в азбучной таблице недавно вышедшего Старославянского словаря с международным коллективом редакторов²⁰.

¹⁷ Там же, с. 224.

¹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. М.-Л., 1949, Т. VII, с. 533.

¹⁹ Флори Б. Н. Комментарий к сказанию Черноридца Храбра «О письменах», с. 122.

²⁰ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков), с. 57.

Этимологизация названия *оукъ* не представляет особой сложности, так как перед нами корень широко употребительного и разветвленного словарного гнезда: оучити — оучекъ²¹ — оученикъ — оучитель — оучение — выкнѣти — навѣкнѣти — навѣченіе — обѣкнѣти — обычаи и т. д. Лексема *оукъ* в значении «учение, научение» засвидетельствована словарем И. И. Срезневского²²: не оукъмь члѣвомь, Бжиюю благодатию очишаеѣта недоугы члѣвскы (Минея 1097 г., л. 1)

Фръть (или *fert*, по показаниям *Abecenarium bulgaricum*) — азбучное наименование с фонетическим значением [f], этимология которого не имеет пока однозначного решения. Версия этимологического словаря М. Фасмера, согласно которой *фертъ* — новое славянское название оноματοпоэтического происхождения (о чем писали Е. Швицер, А. Вайан)²³, нам представляется сомнительной. Но нельзя не согласиться с М. Фасмером в том, что два других этимологических толкования должны быть отвергнуты: 1) в основе слова лежит среднегреческое *φῦρτος* «смутьян, беспокойный человек» (Машенауэр, 1870); 2) слово связано с готским названием руны *pertra* (Миклошич, 1876). Обе версии спорны в фонетическом отношении и невероятны в семантическом.

На наш взгляд, поскольку славянской речи звук [f] был чужд и употреблялся только в заимствованиях (прежде всего — греческих), естественно искать именно греческий источник наименования.

Мы связываем славянское название буквы *фертъ* с греческим *φέρτος* (форма отглагольного прилагательного, обозначающего возможность действия пассивно-страдательного значения от глагола *φέρω* с широкой семантикой, в том числе «избирать», «направлять»²⁴. Таким образом, с учетом значения грамматической формы исходное значение буквенного названия *фертъ* следует определять как «избираем», «избирателен», при этом греческому отглагольному прилагательному создатель азбуки дал славянское окончание муж. рода ед. числа для согласования с *оукъ*.

Показательно, что отвергая в целом наше прочтение азбучного именика, Т. А. Иванова не находит контраргументов к устанавливаемой этимологии слова *фертъ*.

Хѣрь — азбучное наименование с фонетическим значением [h]. Вслед за А. Вайанам, М. Фасмером²⁵, Т. А. Ивановой²⁶ его следует признать сокращением заимствования из греческого *χέρουιμль* (*херовимль*, *хероуимль*), при этом источником для греческого послужило древнееврейское слово с тем же значением. К аргументации такой этимологии добавим удивительное

²¹ Там же, с. 755.

²² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3-х томах. Спб., 1903. Т. 3, с. 1193.

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV, с. 190.

²⁴ Древнегреческо-русский словарь. В 2-х томах. М., 1958. Т. 2, с. 1719.

²⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV, с. 233.

²⁶ Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите, с. 51–52.

постоянство списков Азбучной молитвы Константина Преславского²⁷, где стих на эту букву всегда связывается с данным корнем: Хероувимьску мысль и оумь подажь (Синод. II ред.), при этом в списке V₁, в буквенном ряду X опущено, сливаясь с начальным словом стиха, а в другом списке очень показательно сокращение *херовъскоу* (Синод. I ред.). Ср. также: Херовьскы въсхваляемъ та тричисльнаго б(о)жьства (Миняя 1097 г., л. 112).

В христианской традиции херувим — ангельский чин, символизирующий местопребывание и воспевание славы Божьей, — вечный дух, созданный творцом, чтобы охранять путь к «древу жизни»: Г(оспо)дь ... ц(ѣса)р(ь)ствоусть ... сѣдѣи на хіровимѣ (Синайск. псал., 98, 1); сѣтворивъ бо многообразныа доухы вѣчныа ... и первое хероувимъ (Житие Андр. Юрод. X в., I, 159).

Отъ — название второй (по греческому образцу) буквы со звуковым значением [o], засвидетельствованное *Abescenagium bulgaricum* (правда, рядом с начертательным знаком, который исследователи связывают с другим звуком). Славянское название буквы, соответствующей греческому *omega*, мы объясняем наиболее частотным²⁸ ее употреблением в составе предлога (приставки) *омъ* (в кириллице чаще в виде лигатуры с буквой *твьрдо*).

Пе (пѣ?) — самая загадочная буква глаголической азбуки. Согласно числовому значению глаголических графем, после буквы *хѣръ*, обозначающей 600, следовала буква *отъ* (700) и далее буква *пе* — по данным *Abescenagium bulgaricum* и *пѣ* по данным Московского списка сочинения Храбра, обозначающая 800. Соответствующая ей графема утрачена в обеих азбучных таблицах, а старославянские тексты (как глаголические, так и кириллические) не зафиксировали ее употребления. Ряд исследователей звуковое значение *пе* связывает с вариативной передачей латинского *f* и греческого *ph*²⁹, однако этому в большей степени противоречат регулярные реализации соответствующего азбучного стиха со словами *печаль*, реже — *пѣснь*. Ср.: Печаль мою на радость прѣложи — 26 стих Азбучной молитвы³⁰. В этом **единственном** звене азбучного именника мы домысливаем (!) наименование буквы как словоформу *печали*.

Слово *печаль* в старославянском языке имело значение не только «мучение, страдание», но и «забота»³¹; і быти емоу вышъшо мирныхъ печалеи (Евхологий XI в., 9869–10). Ср. данные О. А. Седаковой: *безпечальныи* — «не имеющие забот»: хоцю же васъ безпечальныхъ быти (1 кор. 7, 37). Отсюда термины аскетики *беспечалие* — «отрешение от мирских забот»³².

²⁷ Зыков Э. Г. Судьба Азбучной молитвы в древнерусской письменности, с. 188.

²⁸ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков), с. 770, с. 425; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, с. 1683.

²⁹ Флори Б. Н. Комментарий к сказанию Черногорца Храбра «О письменах», с. 180.

³⁰ Азбучная молитва Константина Болгарского, с. 298; Зыков Э. Г. Судьба Азбучной молитвы в древнерусской письменности, с. 188, 191.

³¹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков), с. 445.

³² Седакова О. А. Церковнославянско-русские паронимы // Славяноведение, 1992, № 5, с. 99.

Субстантивация прилагательного *печальная* (по ср. р. мн. ч.) передает значение «печаль», «забота». Очень характерно употребление этого слова с предлогом *отъ*: нъ прѣставление ѡ (тъ)печальныхъ в радостьнаа (Евхологий XI в., 656–17).

Азбучное соседство *отъ* — предлога, который употреблялся с род. падежом субстантива при обозначении исходного пункта кокого-либо движения, действия или при обозначении перехода из одного состояния в другое³³, и загадочного *не* позволяют предположить, хотя и с высокой степенью гипотетичности, реконструкцию этого фрагмента как «отъ печали».

Как и М. Кос, Т. А. Иванова предлагает считать букву *не* (*нѣ*) древнееврейской по происхождению, введенной в азбуку для передачи числа 800. Однако такое предположение отнюдь не менее спорно, чем наше прочтение. Разве не оправдано смещение букв кириллицы, обозначающей 80 (*покои*) и 800 (*не*) в цитируемом Т. А. Ивановой паримейнике? Разве не было в старшей глаголице других букв, не имевших числового значения, например, хотя бы буквы *ша*, которая засвидетельствована всеми источниками? И почему в ряду азбучных имен использован не субстантив, а предлог, стоящий особняком, без типичного при нем аблатива? Если оспаривать сокращение слова на основании того, что оно исконно славянское, то непонятно, почему должна быть принципиально различной судьба широко вошедшего в старославянский язык заимствования *херовимъ* и исконного слова *печали*, выполнявших одинаковую номинативную функцию в азбуке? Тем более, что редкое и «беззвучное» функционирование *не* как раз и способствовало забвению его внутренней формы.

Ци — название этой буквы традиционно считалось фонетическим, как названия *ша*, *шта*³⁴. Мы обратили внимание на функционирование *ци* в качестве вопросительной частицы и разделительного союза в древних восточнославянских памятниках: Да ци диаволь сътвориль жену, но Богъ (Житие Анд. Юродив., X в., 119); Еда (если — Л. С.) есть псь ци лжавьи бѣсъ (Житие Нифонта, 18 л.); Что стонеси завистьливии: о своей напасти ци ли о чюже блазѣ (Пчела, л. 104). Наш оппонет Т. А. Иванова считает, что эти факты мало убедительны, но ведь все три примера взяты из текстов книжной переводной письменности домонгольского периода³⁵, причем Житие Нифонта представляет собой русский список 1219 г. с перевода, осуществленного с греческого на старославянский язык в Восточной Болгарии не позднее X века³⁶. Не противоречит ли такое недоверие к данным фактам утверждению о том, что старославянский язык был «межславянским литературным языком»³⁷? Обращение к другим словарям отнюдь не опровергает

³³ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков), с. 425.

³⁴ Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите, с. 49–50.

³⁵ Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л., 1978. 21.

³⁶ Там же, с. 24.

³⁷ Иванова Т. А. Старославянский язык, с. 37.

нашей интерпретации. Так, церковнославянский словарь Г. Дьяченко тоже дает толкование *ци* как вопросительной частицы и как уступительного союза³⁸. М. Фасмер, повторяя данные словаря Срезневского о вопросительном и разделительном значении *ци*³⁹, высказывает предположение о его связи с союзом *цѣ* уступительного значения, отраженным в Супрасльской рукописи⁴⁰.

По версии К. Бругманна, поддержанной многими этимологами, союз *цѣ* родственен многофункциональному греческому *καί*⁴¹, выступавшему, в частности, и в качестве разделительного⁴². Есть и другая версия происхождения *ци* — его генетическая связь не только с *цѣ*, но и с широко известным славянским языкам частицей-союзом *чи* в значении «ли, разве, или» и возведение их к падежным формам вопросительного местоименного корня индоевропейского характера⁴³.

Как бы ни объяснять происхождение разделительного союза *ци*, его существование в древнеславянском языке вполне закономерно, и наша интерпретация названия азбучной буквы не более гипотетична, чем ее фонетическое толкование, которое не дает ответа на простейший вопрос: почему предпочтение получила гласная фонема <i>, а, например, не <ѣ> (*цѣ* — самое частотное начало слов, по данным Старославянского словаря) и не <а> (ср. фонетические имена букв *ша, шта*)?

Таким образом, ни об одном из наших семантических толкований азбучных лексем нельзя сказать, что оно «зиждется на пѣсцѣ», в их фундамент заложены показания абецедариев, памятников, свидетельства словарей.

Суммируя вышесказанное и учитывая контекстную семантику буквенных имен с прозрачной внутренней формой⁴⁴, приведем полную смысловую реконструкцию синтагматической цепочки: *азъ* («я») — *боуки* («грамота» в вин. пад.) — *вѣдѣ* («познаю») — *глаголи* («говори») — *добро* («добро, абсолютное благо») — *ясть* («существует») — *живѣте* («живите», согласовано не формально, а по смыслу) — *сѣло* («совершенно, в высшей степени») — *земля* («земля, мир») — *иже* (*и*) («но, а») — *како* («как») — *людѣ* («люди, дети человеческие») — *мыслѣте* («размышляйте») — *нашѣ* («наш, у нас») — *онѣ* («тот далекий, потусторонний, небесный») — *покои* («покой, успокоение, прибежище») — *рѣци* («изреки, проповедуй») — *слово* («слово, заповедь») — *тврьдо* («непреложное, истинное») — *оукѣ* («учение, научение») — *фрѣть* («избираем(о), избираетелен(-ьно)») — *хѣровимѣ* («херувим») — *штѣ* («отъ») — *не* («печали?») — *ци* («или») — *чрвь* («червь»).

³⁸ Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь, с. 805.

³⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV, с. 301.

⁴⁰ Старославянский словарь (по рукописям X–XI ввков), с. 772.

⁴¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV, с. 294.

⁴² Древнегреческо-русский словарь, т. I, с. 885.

⁴³ Этимологический словарь, славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–1996. Вып. 3, с. 173, 174; вып. 4, с. 109.

⁴⁴ Об этом см.: Савельева Л. В. Сакральный смысл славянской азбуки (Напутственное слово Первоучителя славян), с. 155–157.

Таким образом, в переводе на современный русский язык голос Первоучителя славян, заложенный в названия букв, звучит так:

Я грамоту познаю. Говори: Добро существует!
Живи совершенно, земля! Но как?
Люди, размышляйте! У нас потустороннее прибежище.
Изреки слово истинное. Научение избирательно:
Херувим, — отрешением печали, — или червь.

III. Прежде чем перейти к нашему третьему аргументу историко-культурного характера, заметим, что в рассуждениях моего уважаемого оппонента Т. А. Ивановой почему-то смешиваются два вопроса: смысл азбучных имен при практическом овладении грамотой для школяров последующего времени и смысл азбучного именника при создании новой графической системы и наименовании ее элементов.

Да, действительно, деэтимологизация буквенных имен привела к тому, что «невооруженным глазом» можно заметить только несколько связанных синтагм. Называть их все изречениями — слишком пышно. *Азь боукы вѣдѣ, како людѣ мыслите*⁴⁵, взятые по отдельности, поражают как раз своей невыразительностью и мелкомыслием, если их, конечно не толковать совершенно произвольно⁴⁶, против чего справедливо возражает Т. А. Иванова.

Но достаточно ли всего этого, чтобы утверждать, что в других азбучных наименованиях не может быть никакого смысла?

Множество исследователей искали этот смысл отнюдь не случайно. Хорошо известно, что для традиционно-религиозного сознания IX века представление о сакральной миссии графической системы, призванной нести религиозные константы того или иного культурного ареала, было в высшей степени актуальным. «Преклонение перед алфавитом как вместилищем неизреченных тайн», «культ книги», как показал С. С. Аверинцев⁴⁷, были восприняты христианским сознанием эллинов более всего из иудейской традиции. Так, один из ранневизантийских авторов утверждал «целокупность» греческого алфавита, давая каждой из 24 букв свое место в построении мистического тела истины⁴⁸.

Сакральная символика знаков глаголицы в настоящее время уже не оспаривается. Стоящая за графемой словесный знак тем более не мог быть случайным мнемотехническим средством для его создателя — христианского миссионера. «В начале было слово» — это не просто цитата от Иоанна, это догмат христианства, учение о предвечном и довременном бытии

⁴⁵ Эта синтагма прочитана с произвольной заменой 2 л. императива (ср. вариант мыслѣге) на 2 л. индикатива н. вр.

⁴⁶ Карпенко Л. С. Христианские символы в первой славянской азбуке // Духовный собеседник. Самара, 1995, № 1, с. 55.

⁴⁷ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. с. 201.

⁴⁸ Там же, с. 207.

Логоса⁴⁹. Слово-Логос мыслилось воплощением божественной идеи гармонии и порядка, противостоящим хаосу. Все это не могло не играть направляющей роли в созидательной деятельности Константина Философа по составлению азбуки. Иначе зачем было отказываться от греческих буквенных названий?

Признание мнемотехнической **природы** славянских буквенных имен, на которой настаивает Т. А. Иванова, представляется антиисторичным. Оно противоречит духу времени и всему, что нам известно о Константине по агиографическим источникам. Оно никак не соотносится с мотивами, пронизывающими такой атрибутируемый Первоучителю текст, как «Проглас к евангелию». В этом изумительном по своим художественным достоинствам стихотворном произведении⁵⁰ мощно звучат два главных мотива. Один из них — гимн слову как способу приобщения к божественному началу:

Слышите, словѣньскъ народе вьсь,
Слышите слово, отъ бога бо приде,
Слово же кърма доуша чловѣчьскы,
Слово же крѣпа срьдъца и оумы,
Слово же готовааа Бога познати.

Другой, новый для христианской поэзии мотив⁵¹ — это воспевание «слова боуквьна»:

Паче же сего доуша безбоуквьна
являеть са въ чловѣцѣхъ мрътва (там же)

Понимая важность своей миссии, мог ли высокообразованный человек своего времени и духовный просветитель славян пренебречь возможностью вложить в азбучный именник основы («азы») христианского миропонимания? О вторичности мнемотехнического характера буквенных имен «во весь голос» говорят и все несубstantивные азбучные названия.

Открывшееся в результате этимологических экскурсов вербальное решение славянской азбуки как текста являет собой удивительную целостность и философскую насыщенность слова Пастыря к пастве, впервые вступающей во храм.

Хотя картина мира — необходимый гносеологический элемент, заданный азбукой, Константин Философ отказывается от созерцательной гносеологии. Он исходит из христианского представления об истине как процессе движения к ней в рамках индивидуального человеческого бытия. В основу

⁴⁹ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1987, с. 201–202.

⁵⁰ Георгиев Э. Кирил и Методий, основоположники на славянските литератури. София, 1956, с. 152–153; Топоров В. Н. «Проглас» Константина Философа как образец старославянской поэзии // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменности. М., 1979, с. 26–44.

⁵¹ Топоров В. Н. Указ. соч., с. 42.

всех символических построений создатель азбуки ставит познающую личность («азь»), ибо она сотворена по образу и подобию Божию. Отсюда глаголический *азь* — это одновременно символ Бога (как один из вариантов креста⁵²). Константин Философ вписывает в славянский буквенный именовник не только основные ценностные ориентации христианского сознания (*добро, слово*), но и концептуальную модель макрокосма (*земля — онъ покои*) и микрокосма (*хѣровимль* как символ начала вечного, идеального, божественного и *чрьвь* как символ преходящего, низкого, плотского). В точке пересечения двух осей координат — первой, внешней по отношению к человеку, и второй, символизирующей жизнь человеческой души, стоит свободный в своем выборе «азь». Финал текста: *оукъ ферть: хѣровимль... ци чрьвь* наполняет первую синтагму *азь боукы вѣдѣ* глубоким сакральным смыслом. Обучение грамоте представлено Константином Философом как отправной шаг в сущностном познании мира.

Азь (познающая личность), *людіе* (все славянское племя, народ) и *земля* (как весь мир) призываются к жизни совершенной, отсюда настойчивая императивная интонация всего азбучного слова Первоучителя: *глаголи, живѣте, мыслите, рѣци*. Глубокие религиозно-философские идеи он сумел облечь в обычные слова и простейшие синтаксические схемы разговорного языка, проявив свой яркий талант проповедника.

Здесь нельзя не вспомнить замечание агиографа «Жития Константина» о том, что въ малѣхъ словесѣхъ «Похвалы Григорию», которая приписывается Константину, юный автор сумел велии оумъ съказати. В чеканном семистишии этого стихотворения Р. Якобсон усматривает «монументальность синтеза» традиционных христианских мотивов как отражение творческой индивидуальности поэта⁵³.

Таким образом, важнейшим аргументом прочтения азбучного именовника как текста является его **оптимальное словесное решение как аксиологической эмблемы христианского вероучения, задающей новую систему духовных координат.**

Все приведенные аргументы грамматического, лексико-этимологического, а также историко-культурного характера доказывают общую текстообразующую функцию 27 буквенных имен азбуки. Однако эти аргументы необходимы, но все же недостаточны, чтобы с полным правом утверждать исходную самостоятельность азбучного слова.

Дело в том, что во многих древнеславянских поэтических текстах, как и в византийской духовной поэзии, на первых, самых значимых местах стихотворных строк искусно реализовывался их лейтмотив. Например, при вертикальном чтении «Похвалы Григорию», приписываемой Константину Философу, возникает акростишный (а значит, производный, вторичный)

⁵² Подробнее см.: Савельева Л. В. Славянская азбука..., с. 29–30.

⁵³ Jakobson R. The Slavic Response to Byzantine Poetry // XII congrès des études byzantines. Rapports VIII. Belgrade-Ochride, 1961, p. 352.

текст: ѿ григоре — ты бо — оуста — бога — правыа вѣры — припадающъ — прими и бжди ми просвѣтитель и оучитель⁵⁴.

Является ли азбучный именник текстом вторичным? Может быть, действительно, это лейтмотив Азбучной молитвы, составленной необычайно искусно, даже хитроумо, в духе канонов Иоанна Дамаскина⁵⁵? По этому поводу нам уже приходилось писать, апеллируя и к приоритету буквенных наименований перед любым другим авторским текстом, долженствующим носить производный характер, и к недоказуемости постулируемой Азбучной молитвы Первоучителя⁵⁶.

Думается, что едва ли не всеобщее признание в буквенных именах разрушенного акростиха Азбучной молитвы — всего лишь автоматическая дань традиции, излишнее доверие авторитетам науки, мельком высказывавшимся по этому поводу, но специально не изучавшим именник и Азбучную молитву в сопоставительном плане. Как можно в жанре **МОЛИТВЫ** (обращения к Богу) предполагать императивы *глаголи*, *речи*, тем более — *живѣте* и *мыслите* (вариант *мысльте*)? Даже самый изощренный в акростихах гимнограф не сумел бы вмонтировать эти словоформы азбуки в самые значимые позиции доверительного монолога, адресованного Всевышнему и требующего от аналогичных глагольных форм совсем иного семантического наполнения: *даждь*, *помилоуи*, *спаси*, *съхрани*, *ниспошли*, *избави*... и т. п. Противоречие субъектов действия молитвы и проповеди очевидно. И все же для вящей убедительности обратимся еще к одной группе наших доказательств — аргументам структурно-поэтического характера.

IV. Художественную целостность дешифрованного текста составляют, по крайней мере, три слагаемых.

А. Стройность композиции в традициях византийских христианских гомилий.

Б. Контекстуальная глубина и поэтическая образность буквенных наименований, самодостаточная в рамках азбучного слова.

В. Стиховая организация в традициях византийского молитвословного стиха.

А. Случайный характер отдельно взятых синтагм азбуки оказывается иллюзией, как только мы взглянем в порядок их следования и увидим, каким образом они скреплены композиционно и подчинены общей идее азбучного слова.

В экспозиции текста разворачивается тема индивидуального познания мира, которую автор азбуки естественным образом связывает с приобщением к грамоте: *Азь боуки вѣдѣ. Глаголи: Добро есть!* Вторая синтагма, во-

⁵⁴ Об этом см.: Топоров В. Н. Указ. соч., с. 37.

⁵⁵ История всемирной литературы. В 9-ти томах. Т. 1–2. М., 1983–1984, с. 350 (Главы о византийской литературе написаны С. С. Аверинцевым).

⁵⁶ Савельева Л. В. Сакральный смысл славянской азбуки, с. 154–155; Она же, Истоки и загадки нашей азбуки, с. 70–71.

звещающая благую весть божественного милосердия, по смыслу связана с первой — как конечная цель познания и ценностный ориентир для духовного восхождения «аза». Благовестие дается в наиболее абстрактной форме во избежание неудобства практического пользования символами Бога. Нельзя не заметить несомненную харизматичность этой и последующей синтагмы *Живѣте сѣло, земля!* Автор азбучного слова воспроизводит общий тон евангелистов, вдохновленных светлой верой в немедленное обновление мира — ту «праздничность, окрыленность, воодушевление», которые, в частности, отмечает в евангелиях С. С. Аверинцев⁵⁷.

Удивительно, что исследовательская традиция до сих пор не замечала очевидного смыслового (и грамматического) сопряжения этих трех слов азбучного именника⁵⁸. Между тем мотив новопросвещенной земли, чудесным образом преобразующейся из иссушенной «идольским зноем» пустыни вводный источник, хорошо известен по пророчеству Исаии (Ис., 35, 1–10). См. там же: горы бо и хльми възскачють ... с радостию, вся дрєвєса сєльная восплещуть вѣтвьми (55, 12); вльци и агнци имуть пастися вкупѣ, и лєвь яко воль снѣсть плєвы (т. е. будет есть солому. — Л. С.), и змия землю яко хлѣбъ (65, 25). Восторженным гимном Богу, осиявшему землю евангельским словом, звучит этот мотив Псалтыри: Вся земля да поклонится Тебѣ и поеть Тебѣ, да поет имени Твоему, Вышнии! (65, 4); Воспоите Господа, всьє земля! (95, 1).

В азбучном тексте Константина Философа свое смысловое наполнение фраза *Живѣте сѣло, земля!* получает только после благовестия и вместе с тем она выступает своего рода завязкой по отношению к последующей разработке мотива выбора пути, поскольку наречие *сѣло* в своем поэтическом употреблении не самодостаточно и требует уточнения.

Способ раскрытия его в трех последующих фразах: *Иже (и) како? Людє, мыслите! Нашь Онъ покои* — обнаруживает органическое восприятие автором жанровых традиций греческой философской диатрибы — спора с воображаемым собеседником. Разработанная стоиками диатриба, как известно, послужила литературной основой христианской проповеди. Например, в Посланиях апостола Павла к римлянам (гл. 2, 3, 6, 7, 8; и др.), благодаря этой традиции, «мысль идет через противоречия и мучительно борется сама с собой», создавая особый «полифонизм звучания паулинистских текстов» и придавая им «пульсацию жизни»⁵⁹.

Логика азбучного слова в разработке темы выбора духовного пути идет от индивидуального сознания *аза* к общественному, формируя социокультурный поведенческий стереотип. При этом христианская философия космического мироустройства здесь выступает основой правильного морального выбора.

⁵⁷ История всемирной литературы, т. 1, с. 508.

⁵⁸ См., напр.: Кирило-Методиевска енциклопедия. В 3-х томах. Т. 1. София, 1985, с. 37.

⁵⁹ История всемирной литературы, т. 1, с. 514.

Кульминационним центром азбучной проповеди Константина Философа является фраза *Рьци слово тврѣдо*, в которой, конечно же, содержится отнюдь не житейски-профанное наставление отдельно взятого речения (характерно его толкование В. И. Далем: *Будь крепок в слове*⁶⁰), но высокий сакральный смысл: *Изреки слово истинное, непреложное, то есть слово евангельское*. Именно оно выступает источником вдохновения и объектом прославления и в «Прогласе к евангелию», и в Азбучной молитве, адресованным «словеньску плѣмени», «иже ищетъ *евангельска слова*». Называя себя прямым последователем своего тезки Первоучителя, Константин Преславский декларирует свое намерение так: *Јавѣ сътворж евангельско слово*⁶¹. Таким образом, в контексте всей азбучной проповеди Первоучителя фраза *Рьци слово тврѣдо* передает побуждение к чтению и почитанию слова евангельского, т. е. Священного писания. О раннехристианской ассоциации Логоса (Слова) с текстом (книгой) и с самим Богом см. у С. С. Аверинцева⁶².

Финал азбучной проповеди связывает воедино смысл ее начала и конца, завершая мотив индивидуального выбора пути. Фраза *оукъ ферть: хѣр(овим)ъ отъ не(чали) ци чрьвь* не только задает векторы духовного пространства (хѣр(овим)ъ — чрьвь), но и приоткрывает стезю индивидуального духовного восхождения — через преодоление мирских забот и житейской суеты (*печали*). Наша гипотетическая реконструкция словоформы *печали* вытекает, в частности, и из общего, харизматического по своей природе христианского мироощущения, пронизывающего все азбучное слово от начала и до конца.

Открытость финала, оставляющего свободу выбора человеческому разуму и душе, не только обостряет сознание личности, но и соответствует историческому значению азбучного текста как напутного слова Первоучителя к «словенскому племени», перед которым только приоткрывается мир письменной культуры.

Таким образом, взаимосвязь и соотношение всех компонентов позволяют с определенностью говорить об архитектонике текста как эстетического целого — малого оригинального жанра азбучной гомилии, лаконичность и чеканность которой выступают жанрообразующим признаком.

Б. Художественная природа и целостность текста обнаруживает себя в контекстуальной глубине практически всех понятийных наименований букв. Хорошо знакомая разговорно-бытовая лексика дотоле бесписьменного древнеславянского языка насыщается предельно отвлеченным содержанием опорных понятий христианского вероучения. Так, слово *земля* обозначает не только то, что дано в физическом ощущении: *земля* выступает здесь как материальная испостась божественного мироустройства и вместе с тем как единый живой, мыслящий организм. В антитезе *земля* — (*онъ*) *покои* про-

⁶⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 3. М., 1955, с. 122.

⁶¹ Азбучная молитва Константина Болгарского, с. 189.

⁶² Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 202.

фанное значение «отдыха», «спокойствия» приобретает явную сакральную образность и углубляется до значения жизни вечной, посмертной, мира потустороннего.

Яркими поэтическими символами выступают в контекстной антитезе слова *хѣр(овим)ъ* и *чрьвь*. В эти пластические образы, искусно отобранные из множества других сакральных символов византийской гомилетики и духовной поэзии, Первоучитель вложил огромную обобщающую силу, передав контраст духовного, вечного, серафического и материального, тленного, земного. О сакральной символике слов *добро*, *слово*, *печали* мы уже говорили. Единственное прилагательное *тврѣдо* выступает метафорическим эпитетом к *слово*, имея значение «верное, непреложное, истинное». Ср.: Не вьсакы кнѣгы тврѣды (Ефр. кормчая, XI в., л. 246).

Даже глаголы, особенно *живѣте* и *рѣци*, наречие *сѣло* в контексте целого заметно углубляют свою семантическую перспективу: *Живѣте* употреблено не просто в бытийном или биологическом значении «существуй-те», оно значит «живите нравственно» (заметим, что это же значение слова *жити* фиксирует Старославянский словарь⁶³).

Что касается глагола *рѣци*, то его смысл в контексте всей азбучной гомилии должен быть понят не только как «изреки», но более всего как «проповедуй», и в его словоупотреблении легко уловить отзвук культа устной проповеди, характерной для классической греческой⁶⁴ и древней иудейской⁶⁵ традиций, воспринятых христианскими авторами.

В. Буквенные наименования глаголицы выстраиваются в структурно и ритмически организованные ряды, поскольку явную цикличность интонационно-смысловых отрезков трудно считать случайностью:

Азъ боукы вѣдѣ / Глаголи добро естъ // 101010/0100110
Живѣте сѣло земля / Иже(и) како // 0100110/10010
Людіе мыслите / Нашъ онъ покои // 100010/1010010
Рѣци слово тврѣдо / Оукъ ферть // 011010/1010
Хѣр(овим)ъ отъ печали / Ци чрьвь // 001010010/110

Творческое использование создателем азбуки стиховых традиций византийской литургической поэзии прослеживается в параллелизме тонического рисунка, известном уже некоторым сочинениям Григория Назианзина⁶⁶, в тяготении к изосиллабизму, в маркировании синтагм формами с апеллятивной функцией, в явных аллитерациях и смысловой сопряженности начальных слов всего поэтического текста.

⁶³ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков), с. 219.

⁶⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 191 и след.

⁶⁵ История всемирной литературы, т. 1, с. 507.

⁶⁶ История всемирной литературы, т. 2, с. 343.

Так, подобно греческим ирмосам⁶⁷, стихотворная гомилия Константина Философа тяготеет к парному изосиллабизму (13-12-13-10-12), при этом параллелизм распределения иктусов в полустипах (3 + 3, 3 + 2, 2 + 3, 3 + 2, 3 + 2) компенсирует нарушения в их равноритмичности: 6 + 7, 7 + 5, 6 + 7, 6 + 4, 9 + 3.

Своеобразие «ритмического дыхания» азбучного текста создается также типичной для молитвословного стиха «системой грамматических сигналов» — императивов и обращений, обладающих апеллятивной функцией⁶⁸, а также постоянной женской клаузулой (заметим, что слово *земля* имело иктус на первом слоге)⁶⁹.

Фонетическая игра аллитераций, знакомая греческой дидактической прозе и позже византийской гимнографии, улавливается и в азбучном слове, где она чаще всего организуется по принципу хиазма: 1) б-к-гл-г-л-бр; 2) ж-дз-з-ж; 3) л-м-л-н-н; 4) р-л-р-р; 5) р-в-м-ч-ц-ч-рв.

Но, быть может, особенно показательна для решения проблемы самостоятельности азбучной гомилии Первоучителя — очевидная акростишная «геральдика» (по выражению С. С. Аверинцева), с помощью начальной позиции выделяющая «привилегированные» слова текста. Так, явная смысловая и синтагматическая связь возникает в четырех строчках из пяти:

Живѣте — людіе — рѣци — хѣр(овим)ѣ.

С учетом контекстного значения этих слов акростих подчеркивает лейтмотив краткой гомилии Константина Философа: *Живите нравственно, люди! Проповедуй духовное начало!*

Что касается синтаксической самостоятельности слова *азъ* при вертикальном чтении, то она отнюдь не случайна и обусловлена его функцией актанта. Изолированность *аза* к тому же подчеркивает самоценность первой буквы алфавита ввиду глубокой сакральной связи графемы как символа Бога с ее названием. Она же акцентирует личностную свободу воли как аксиологическую основу христианского познания мира.

Как справедливо замечает исследователь акростиха А. А. Гогешвили, акростих с древнейших времен рассматривался «не как чисто формальный прием, а как своеобразная эстетическая и даже онтологическая категория, квинтэссенция истинной гармонии»⁷⁰. Содержательный (нарративный, пословный) акростих в качестве изысканной структурно-графической организации церковно-поэтического творчества был высоко развит уже в ранней староболгарской книжности, например в сочинениях Константина Преслав-

⁶⁷ Тарановский К. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XII вв. // *American Contribution to the Sixth International Congress of Slavists. Vol. 1: Linguistic Contributions. The Hague — Paris, 1968. p. 377.*

⁶⁸ Jakobson R. Указ. соч., с. 252.

⁶⁹ Более подробно о ритмической организации текста см.: Савельева Л. В. Славянская азбука.... с. 25–27.

⁷⁰ Гогешвили А. А. Акростих в «Слове о полку Игореве» и других памятниках русской письменности XI–XII веков. М., 1991. с. 9.

ского⁷¹ и, конечно же, возник по византийским образцам вместе с возникновением славянской письменности.

Таким образом, структурно-поэтические особенности азбучного текста — еще одно и очень весомое доказательство нашего прочтения.

В заключение отметим наиболее вероятную авторскую установку на напевно-речитативное произнесение азбучного слова (с учетом мнемотехнической надобности). И в этой связи очень характерно, что до настоящего времени в русской народной культуре у некоторых конфессиональных групп сохраняется традиция обучения азбуке методом ее пения⁷².

Думается, сказанного достаточно, чтобы заключить: **азбучный именной Константин Философа — это совершенно самостоятельный и самый ранний славянский поэтический текст, созданный в оригинальном малом жанре азбучной стихотворной гомилии, органически выросшей из традиций византийской гомилетики и гимнографии.**

Summary

Saveleva L. V.

The names of Slavic alphabet letters are considered by paleoslavistics tradition a ruined achrostich of St. Cyril's alphabet prayer. The author proposes new interpretation of the older Glagolic alphabet names using grammatical and historical arguments.

The names in question obviously act as a coherent text of a brief homily.

The author of the paper makes inquiries both into its sacred sense and its poetic structure. It's argued that the alphabet names compose a five-lineverse with its own achrostich, following Byzantine homiletics and hymnography tradition.

⁷¹ Попов Г. Новооткрыта оригинална старобългарска част в тексте на Троида // Български език. София, 1978, Кн. 6, с. 497–507.

⁷² Никитина Е. С. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993, с. 29.